

Друг театра Виталий Вульф.
Фото Александра Шалгина
(НГ-фото)

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ — человек, которому, вероятно, меньше всего нужны чьи-то поздравления. Свой юбилей он встречает где-то далеко — не в ближнем, а в самом что ни на есть дальнем, даже очень дальнем зарубежье. К тому же опыт общения с Виталием Яковлевичем убеждает: меньше всего ему нужны чьи-то похвалы. Он из тех редких людей, кто живет в счастливой гармонии с самим собой. Ему нравится то, что он делает — что пишет и о чем рассказывает по телевизору; и потому день его рождения — лишний повод позавидовать его редкому таланту. Он сам себя похвалит лучше, чем это делает кто-либо другой.

Если же говорить серьезно и по существу, он — первый, кто привил нашему официальному телевиде-

тельным телефонным разговоре. Во-вторых, — что же плохого в том, чтобы домохозяйке было интересно послушать про Нуриева или Фурцева? На телевидении нельзя работать только для высокопоставленных ценителей. К тому же именно эти самые ценители и эстеты — самые первые потребители «домашних историй», в которых смешиваются и становятся неразрывны были и небыли. В-третьих, даже недруги не в силах отрицать популярности Вульфа. Сам он, впрочем, с удовольствием ловит «кайф», проходя в первый ряд, когда все уже давно заняли свои места. И не в силах скрыть удовольствие, когда толпа поклонниц в антракте бросается к нему, а не к сидящему или стоящему рядом народному артисту. Короче говоря, совершенно несправедливо то, что в прошлом году ТЭФИ дали не Вульфу, а кому-то другому (говорят, что решение «сменить лидера» принималось в самый последний момент и что исходило из каких-то наивысших программных интересов).

Рассказы Виталия Вульфа — о великой балерине, давно уже почившей, или о ныне живущем и процветающем лидере популярного театра — не театроведение. Но Вульф — доктор нескольких наук и в прошлом — научный сотрудник Института мирового рабочего движения — даже бравирует тем, что не имеет ничего общего с «театральной наукой». Он — друг театра (а значит — друг актеров и актрис), и те с кем он дружит, подтвердят: мало кто умеет дружить так, как Вульф. Он дружит верно и истово. И своих друзей в обиду не дает. Может быть, поэтому лучшие его передачи — о тех, кто ему по-настоящему дорог.

ГЛАВНЫЙ РАССКАЗЧИК ОРТ

К юбилею Виталия Вульфа

нию домашнюю интонацию. Не в виде разовых «вливаний», а, как говорится, всерьез и надолго. О политике с экрана телевизора первый заговорил человеческим голосом Владимир Познер (поначалу это были действительно разовые вливания и, перефразируя Мандельштама, «робкие» прививки к советскому дичку). А Вульф пошел, как говорится, дальше, дальше, дальше: и домашние истории, в которых главное путается с неглавным, так что неглавное вдруг занимает место «в первом ряду», а главное откла-

дывается на неопределенное время, и какие-то мимолетные заботы — еще один повод для авторского отступления... Каждое взятое дыхание может означать переход к совсем иному «повороту» истории или (просто) жизни героя. Недруги любят пенять ему, что, мол, Вульф работает для домохозяек, но его нисколько это не обижает. Во-первых, потому что среди домохозяек «путаются» первые лица нашего театра и даже государства, которые считают нужным отрецензировать каждую его передачу в безотлаг-